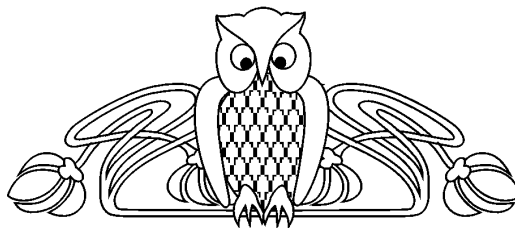

УДК 821.161.1.09 +929 Кекова

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГРЕЦИЗМОВ РЕЛИГИОЗНОГО ДИСКУРСА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ГРЕЦИЗМ «АНГЕЛ» В ПОЭЗИИ С. КЕКОВОЙ

Е.И. Лучина

Саратовский государственный университет
E-mail: luchinae@mail.ru

Статья посвящена грецизмам православного дискурса в художественном тексте. На материале поэзии С. Кековой дано типологическое определение концепта *ангел* и проведено его поуровневое исследование. При анализе концепта выделены предметный, понятийный, образно-символический, а также ценностно-оценочный уровни, особенности которых связаны с культурными и религиозно-мифологическими традициями и ассоциациями.

Ключевые слова: лексические грецизмы, дискурс, идиостиль, концептуализация.

Conceptualization of Greek Loan-Words of the Orthodox Discourse in Literature: Greek Loan-Word *angel* in the Poetry by S. Kekova

E.I. Luchina

The article is focused on Greek loan-words from the Orthodox discourse in literature. On the material of poems by S. Kekova, we have defined the concept *angel* and analyzed its structure. Four levels of the concept are distinguished: objective, notional, imagery-symbolic, and evaluative. Their distinctive features are shown to be determined by cultural, mythological, and religious traditions and associations.

Key words: Greek loan-words, discourse, idiostyle, linguistic conceptualization.

Несмотря на большое количество работ, изучение художественной модели мира или идиостиля писателя остается в фокусе внимания лингвистов¹. Малоизученной, но важной при анализе идиостиля представляется проблема влияния на художественный дискурс других типов дискурса, в частности религиозного. Интересна в данном аспекте роль грецизма *ангел* в идиостиле современного поэта Светланы Васильевны Кековой, чье творчество органично вписывается в православную традицию русской литературы с ее склонностью к метафизичности.

Являясь одним из ранних письменных заимствований из греческого Византийской поры, греческое ἄγγελος – «вестник» при переводе Священного Писания было освоено нашими предками в двух вариантах: *ангел* – «посланник Божий, ангел света» и *аггел* – «падший ангел, ангел тьмы». В последнем случае грецизм повторяет, при транслитерации, свою греческую орфографию, но не произношение, отражая,

таким образом, наиболее древнюю форму его бытования на славянской почве. Через посредство старославянского данный грецизм заимствовался и полностью ассимилировался русским языком, где в православном религиозном дискурсе он входит в лексико-темагическую группу грецизмов «Основные понятия православной религии», в подгруппу «Основные понятия вероисповедания и богословские понятия»².

В результате анализа стихотворений С.В. Кековой разных лет зафиксировано более 130 прямых словоупотреблений грецизма *ангел*, а это 0,3% от общего количества слов, и около десятка описательных и ассоциативных конструкций. Уже сама частотность данного грецизма в поэзии С. Кековой указывает на его принадлежность к так называемым ключевым словам, представляющим лексические единицы, либо «особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры»³, либо основополагающие для идиостиля отдельно взятого автора, где они воплощают в себе концепты, отражая индивидуально-авторскую поэтическую модель мира.

Анализ показывает, что грецизм *ангел* в поэзии С.В. Кековой реализует сразу несколько типов концептов. Основываясь на классификации концептов, разработанной в монографии И.А. Тарасовой⁴, дадим типологическую характеристику концепта *ангел* в поэтическом мире С.В. Кековой.

Это, во-первых, концепт – мыслительная картинка, характеризующаяся более или менее точным обликом, формой, размером, цветом и прочими объективными признаками. Согласно терминологии И.А. Тарасовой, это концепт с чувственно воспринимаемым ядром, однако в случае с концептом *ангел* о каком-либо чувственном восприятии можно говорить лишь условно, поэтому термин «мыслительная картинка» представляется более адекватным. Во-вторых, это образно-схематический концепт или концепт с сенсорно-моторной доминантой. Здесь подробно рассмотрим концепт *ангел* как мыслительную картинку.

Понятийный уровень концепта *ангел* у С.В. Кековой определяют в основном почитаемые христианами источники – различные книги Ветхого Завета и Евангелия, а также данные словарей. В христианском дискурсе ангелы – «существа сотворенные, бесплотные, не знающие человеческих страстей и слабостей, обладающие волей, <...> могущественные и наделенные

разумом, превышающим человеческий»⁵. По преданиям, все ангельское множество некогда разделилось на Божиих ангелов и ангелов Сатаны. Существует девять чинов ангелов света (серафимы, херувимы, архангелы и т.д.), среди атрибутов которых называют огненные мечи, трубы, скипетры, кадила, музыкальные инструменты, а также лилию. Особое место в представлениях православных верующих занимает понятие об ангеле-хранителе, данном каждому человеку с рождения для помощи ему в добрых делах и защиты от злых несчастий.

Во многих религиозных традициях, и в частности в христианской, ангелы изображаются в виде светловолосых андрогинных юношей с крыльями, в белых льняных одеждах с золотыми поясами. Ср.: «Ангел – сверхъестественное существо, служитель бога и его посланец к людям (изображается крылатым отроком, юношей)»⁶.

Понятие *ангел*, таким образом, восходит к основным религиозно-мифологическим представлениям древности, поэтому понятийный уровень данного концепта полностью совпадает с уровнем образным и символическим. В предисловии к фундаментальному труду «Миф и литература древности» О.М. Фрейденберг, размышляя о зарождении и развитии древней философии из искусства, указывает на генетическую цепочку образ – понятие и показывает, как постепенно понятие рождается и «вынуждено строиться на образе и говорить образом»⁷. В образе ангела и воплотились древнейшие, ассоциативного порядка, представления о сверхъестественном, свойственные мифологическому сознанию.

В поэтическом языке С. Кековой грецизм *ангел* семантически дифференцирован в соответствии с религиозно-культурологическими традициями: ангел Божий, ангел Божьего лица (архангел Метатрон), ангел-хранитель, ангел падший (Люцифер), ангел смерти (архангел Азраил) и т.д.

Предметный уровень концепта *ангел* у Кековой строится из «чувственно» воспринимаемых представлений:

1) слуховые представления: «...ангел рыдает падший»⁸ и т.п;

2) визуальные представления: «и виден ангел в солнечных лучах»⁹. Ангел – представитель трансцендентного мира, более многогранного и не всегда вписывающегося в человеческое мировидение и миропонимание. Не всякому дано узреть ангельские лики, отсюда и тоска по истинному знанию и иному миру, с одной стороны, и стыд из-за несовершенства человеческого – с другой: «Только хозяева меда и хлеба видеть не могут ангела неба»¹⁰.

Чаще же всего ангелы или ангелоподобные существа воспринимаются ментально, являясь объектом не столько физического, сколько духовного зрения, неслучайно, поэтому самый распространенный эпитет ангела у Кековой – «невидимый»: «И мы с тобою видим – одни на свете

целом, как вновь парит над нами незримый ангел в белом»¹¹;

3) тактильные ощущения: «словно маленький сверчок, ангел, как усталый лётчик, плащ повесит на крючок. И за стол дубовый сядет, словно он пришёл домой, и крылом меня погладит, и заплачет, Боже мой...»¹². Тактильный контакт между людьми и сущностями иного мира возможен лишь в сновидениях и экстатических состояниях, при этом такие контакты, в соответствии с религиозными представлениями, чреватые для личности сильнейшими потрясениями и даже катастрофами.

У Кековой такие контакты нередки, так как для ее поэтической модели мира характерна особая диффузность, которая неоднократно комментировалась в критике,¹³ – отсутствие границ между различными уровнями бытия, «соединенье суши с небом, проникновенье рая в ад»¹⁴.

Для индивидуально-авторского концепта *ангел* у С. Кековой наиболее актуальными становятся такие характерные признаки ангелов, как крылатость, человекоподобный облик, белоснежное облачение или светоносность: «У ангела крылья как будто мукою присыпаны»; «Я вопрос задаю херувимам в одеждах льняных»¹⁵. Преобладающая в определении ангела у Кековой сема «крылатый» и сема «белый»/«светоносный» генерируют развитие символических коннотаций: ангелы, Божьи посланники, посредники между Богом и людьми символизируют силы невидимого мира, озарение и просветление.

Грецизм *ангел* актуализирует в поэзии С. Кековой разнообразные, традиционные и оригинальные когнитивные признаки и активно участвует в создании различных тропов, выступая метафоризатором. Выявлены следующие когнитивные признаки концепта *ангел* как способ представления художественных денотатов в поэтическом мире С. Кековой:

1) звук: «...где дует ветер в ангельские трубы...»¹⁶;

2) форма/контур: «Облака в небесах – словно Огненный ангел в чалме, чья сиянье растёт из сгущающихся ярких одежд»¹⁷;

3) бесплотность: «...а ветер, как ангел бесплотный, мне шепчет, листвою шурша»¹⁸;

4) цвет/яркость: «смотри, как в мире, простом и новом, ныряет ангел в листве берёзы»¹⁹;

5) цвет/прозрачность, легкость: «На дереве старом омела прозрачна, как ангельский лик»²⁰;

6) цвет/темнота как признак падших ангелов: «на смуглый лик Веельзевула ложатся отблески огня»²¹;

7) цвет/темнота как признак Смерти: «Я лицо росой умою, чтоб глаза мои закрыл ангел с траурной каймою по краям лазурных крыл»²².

Ассоциации ангела смерти с темным цветом не представляются исключительными, так как сам концепт *ангел* является составной частью сразу двух мегаконцептосфер религиозной картины

мира – ангел Божий входит в концептосферу Свет, а падший ангел или ангел смерти в исламе – в концептосферу Тьма.

Ассоциативная линия ангел с траурной каймой – ангел смерти закрепляется С. Кековой не только семантическими средствами (траур – знак смерти), но и просодическими («рифма-загадка» закрыл – крыл – [Азраил]).

Вышеназванные когнитивные признаки образа ангела носят у Кековой преимущественно абстрактный характер, отражая внутренние – душевные, или трансцендентные – духовные состояния. Так, в стихотворении «Печальные октавы» когнитивные признаки в образе ангела отображают душевное состояние лирических героев: «Вот ангел. Вот крылья его за плечами. Смотри же, мой друг, не коснись ненароком, иначе в короне житейской печали событие любви перед мысленным оком предстанет. И то, в чем его уличали, к тебе подойдет, и в покое глубоком тебя голубыми крылами обнимет, губами коснется – и разум отнимет»²³.

В стихотворении «...меня уже не мучит...» Светлана Кекова описывает особое состояние лирической героини – то ли сновидение, то ли транс, позволяющее увидеть мир в необычном ракурсе: предельное – с точки зрения вечности, земное – из космического пространства: «Да, мы с тобой – песочные часы, над нами ангел плачет и смеется, и золотые светятся власы Его над миром...»²⁴.

Нередко гречизм *ангел* у Кековой сам выступает художественным денотатом. Как отмечают исследователи²⁵, особенность поэтической модели мира С. Кековой в том, что она сама является сплошной развернутой метафорой, тогда гречизм *ангел* одновременно является здесь и художественным денотатом и метафоризатором. «Вдруг да явится ангел, как школьник на взрослый сеанс, с легким трепетом крыл ты случайно войдешь в резонанс, и, оставив ладью дорогой колыбели двуспальной, скажешь жизнь «адыю» – и проснешься в купели хрустальной»²⁶. Гречизм *ангел*, символизируя неумолимое время/вечность, в процессе метафорической номинации приобретает в данном контексте признак «появившийся украдкой, тайно», а отсюда «неожиданный, внезапный».

Или уже цитированное: «словно маленький сверчок, ангел, как усталый лётчик, плащ повесит на крючок. И за стол дубовый сядет, словно он пришёл домой, и крылом меня погладит, и заплачет, Боже мой...»²⁷. Характерно, что в обоих случаях при наименовании ангела употребляется антропоморфизм, позволяющий актуализировать такую устойчивую для образа ангела в мировой культуре предикативную характеристику, как человекоподобие. Вместе с тем антропоморфизм подразумевает не только внешние признаки, но и определенные внутренние качества: жестокость, сострадание, понимание и т.п., что также указывает на взаимопроникновение и взаимопретекание

мира реального и метафизического в поэзии С. Кековой.

В большинстве же поэтических контекстов когнитивный признак едва ли может быть конкретизирован, т.е. *ангел* приобретает в них символическое значение, образуя тем самым важный для концепта у Кековой символический уровень. Символическое значение появляется на основе устойчивых ассоциаций, посредством которых данный концепт соотносится с другими, более или менее абстрактными. Посмотрим, какие представления ассоциируются в поэзии Кековой с ангелом.

1. *Ангел – Бог* – наиболее распространенная у Кековой и в православной литературе в целом ассоциативная линия, основанная на общей принадлежности образа и ассоциата к религиозному дискурсу: «Как Господа славит содружество птичье – кукушка на иве, кулик на болоте, а Он улыбнется, скрывая величие и свет Божества под покровами плоти. И грянут, как молния, ангелов хоры: «Великому счастью предшествует горе!»²⁸

2. Данную линию закономерно продолжает линия *ангел – христианский рай и праведники*, а также более широкая ассоциация *ангел – библейские персонажи, святые места на земле*: «Мой дух не в силах тело побороть, как ангела незримого Иаков»²⁹ и т.п.

3. Ассоциация *ангел – восток* восходит к параллели *ангел – рай*: «словно крыльев невидимый взмах и бамбуковых ангелов пень»³⁰. Ассоциация в художественной культуре не новая, однако, основываясь на традиционном местоположении Эдема на востоке «на востоке», у Кековой она обусловлена индивидуальными особенностями поэтики, в частности, причудливым переплетением библейских и нехристианских, часто языческих, образов. Такая образная эклектика, видимо, призвана у Кековой отобразить единство мироздания во всем его многообразии.

4. Линия *ангел – Рождество* также имеет традиционно-христианский характер: «Пишет ангел рождественским инеем, словно мелом на классной доске, что вина прощена и заглажена»³¹.

5. Производная от предыдущей и специфическая для русской культуры ассоциация *ангел – зима*, опираясь на христианский контекст, вместе с тем основывается на когнитивном признаке «белый», «белоснежный», синтезируя традиционные представления о добрых ангелах и ассоциативный ряд *Рождество – зима – снег*: «на просторах России лютует январская стужа. Здесь над белой мукою невидимый ангел летал...»³².

6. Не менее сильная у Кековой ассоциативная линия *ангел – Сатана*, основанная на традиционном в христианской традиции делении всего ангельского множества на добрых ангелов и падших: «...войско ангелов на знамени нарисует букву «С»;³³ «Над нами – свод крестообразный, под нами – ангел безобразный, мятежный ангел Сатаны»³⁴. Данная ассоциация имеет когнитивный характер, так как концепт *ангел*, входя в

концептосферу Тьма, вызывает ассоциативную цепочку признаков «темный – черный – безобразный – злой».

7. Ассоциация *ангел – смерть* представляется, во-первых, производной от предыдущей («темный – черный – безобразный – злой – смертоносный»), а во-вторых, имеющей религиозно-культурологическое основание (об ангеле смерти в исламе и мировой культуре см. выше).

Как подчеркивает И.А. Тарасова, образные модели формируют символический уровень за счет ассоциаций лишь при условии архетипичности данной ассоциации, ее традиционно-поэтического характера, устойчивости ассоциативной связи в поэтическом мире данного автора или наряду с иными средствами художественного выражения³⁵.

Рассмотрим наиболее важные символические линии, формирующие символический уровень концепта *ангел* в поэзии С. Кековой.

1. Ангел – вечность: «и светлый ангел колыбель качает над пустой могилой»;³⁶ «Вот окончилось лето и снова настала зима. В небе ангел трубит, времена обозначив и сроки»³⁷. В «Балладе об уходящем времени» ангел имплицитно уподобляется кассиру, подводящему итог человеческой жизни и отмеряющему соответствующее вознаграждение: «И ордер расходный мы спеша заполняем в тоске безысходной – нам кассир выдает шестящее время и поводит крылами в окошечке кассы»³⁸. Такая символическая коннотация гречизма *ангел* в поэзии С. Кековой оказывается наиболее устойчивой, проявляясь в преобладающей части поэтических контекстов.

Вместе с тем данная символическая ассоциация имеет, на наш взгляд, иерархически организованную структуру концептов *время – вечность – Бог – истина – суд – прощение – покровительство – благословение...*, в которой семантическим стержнем у Кековой оказывается концепт Бог, так как в религиозной картине мира почти все из названных концептов по сути являются предикативными признаками Бога: «Ночью и днём, несмотря на капризы погоды, ангел возводит больших тополей пирамиды»³⁹ и т.д.

Важно заметить, что понятие *вечность* исчерпывающе определяет хронотоп поэтической модели мира С. Кековой: уподобляясь храму Божьему, вечность может трактоваться здесь как обиталище Бога и конечная цель всего сущего: «Вечность – храм со стеклянными стенами... Ты уже приближаешься к ней всеми листьями, жилами, венами и сплетением мертвых корней»⁴⁰.

Проявления подобных символических значений гречизма *ангел* у С. Кековой разнообразны. Это, во-первых, семантически близкое окружение – лексика различных тематических групп религиозного дискурса, а во-вторых, метафорическая номинация, при которой метафоризатором нередко также выступает лексическая единица религиозного дискурса: «Господень ангел слу-

жит *панихиду*»⁴¹. В-третьих, образ ангела часто помещается в символический контекст, близкий по содержанию: «С голубой незабудкой в руке Ангел твой над землёй пролетит, и воскреснет вода в роднике – и в сиянье себя превратит...»⁴² Образ ангела с голубой незабудкой, у С. Кековой производный от образа голубой незабудки как символа любви к небесному в восточной поэзии⁴³, превращается в символ всепрощения.

2. Ангел – душа. Образ тела как темницы для души является в мировой культуре весьма распространенным, однако в индивидуально-авторской концептосфере С. Кековой наблюдается синтез символических линий, имеющих традиционный для христианской картины мира характер: ангел – душа, душа – жизнь: «Мой ангел был мне дан, когда пришла весна, прилипла к сапогам кладбищенская глина, трава была нежна, вода была пресна, и набивали цвет крыжовник и малина»⁴⁴. Данная символическая линия основана на таком компоненте понятийно-образного уровня концепта *ангел*, как ангел-хранитель, который дается человеку при рождении и сопровождает его на протяжении всей жизни.

Образ ангела как символа души во многих поэтических контекстах сочетается у Кековой с образом птицы (синица, голубь, щегол), широко распространенным в мировой художественной культуре *символом* души, духа, божественного проявления: «в высоком небе водят хоровод созвездья, птицы, ангелы и дети»⁴⁵.

Последний, ценностно-оценочный, уровень концепта *ангел* в поэтическом мире С. Кековой образуют сразу два когнитивных признака «белый, светлый» и «темный», которые, являясь составной частью двух мегаконцептосфер – соответственно Света и Тьмы, имеют ярко выраженную экспрессивно-оценочную коннотацию, общую для большинства языковых картин мира. Первый признак актуализируется в образе ангела Божьего и ангела-хранителя, второй – в образе Люцифера и ангела смерти.

В поэзии С. Кековой образы ангелов часто сопровождаются определениями традиционно-оценочного характера: «светлый ангел», «ангел дивный», «падший ангел», «ангел безобразный», «мятежный ангел», «ангел, светом осиянный горним» и т.д. Вместе с тем нередки и такие оригинальные определения, имеющие контекстуально-оценочный характер, как «ангел беспризорный», «неприкаянный ангел молитвы» и т.п.

Ценностно-оценочная коннотация в образе ангелов у Кековой достигается и за счет широкого использования тех или иных атрибутов ангелов в небесной иерархии, что позволяет достаточно точно идентифицировать их и тем самым отнести к концептосферам Свет или Тьма. Так, следующие контексты атрибутируют Архангела Гавриила, вестника сокровенных тайн мира, который в иконографии изображается с цветущей ветвью, с зеркалом или со свечой внутри светильника: «...то ангел

купается в небе и зеркало держит в руке)⁴⁶ или «Ангел держит зажженный фонарь и большого ребенка за руку»⁴⁷. Оценочную характеристику несут и предикаты сенсорной оценки, в основном это слуховые ощущения: «На семи холмах, в голубых лесах царь-трава растет о семи листьях, ... Третий лист червлен, а четвертый – бел, ведь над ним, наверное, Ангел пел»⁴⁸, реже визуальные. В последнем случае словоформа *виден* актуализирует важное в религиозном дискурсе понятие *видения/знамения*, само по себе имеющее исключительно сильную ценностно-оценочную доминанту.

Грецизм *ангел* также может быть помещен у Кековой в контекст, уже имеющий экспрессивную или положительную коннотацию: «слышен ангельский хор – он звучит над Россией *осанной*»⁴⁹. И, наконец, немаловажным способом ценностно-оценочной номинации ангела в поэзии С.В. Кековой является использование притяжательных местоимений, которые в русском языке не только имеют семантику «обладания», но и отличаются значительным эмоционально-оценочным потенциалом: «А ты, мой друг, мой ангел беспризорный, вверху парил. Внизу стояла я...»⁵⁰.

Итак, подведем итог: анализ грецизма *ангел* в идиолекте С.В. Кековой показал его достаточно высокую частотность и концептуальную насыщенность. Данный грецизм у Кековой является своеобразным примером концепта «ментальная картинка», поуровневое исследование которого позволило выделить предметный и понятийный уровни – «картинка» с «чувственными» и наглядно-образными характеристиками. Такая картинка кодирует в идиолекте Кековой насыщенный образно-символический уровень, формирующий на основе богатых культурных и религиозно-мифологических ассоциаций, а также индивидуального опыта поэта. Ценностно-оценочный уровень концепта *ангел* у Кековой отличается амбивалентностью, также обусловленной культурно-религиозными традициями.

В целом же роль и функционирование грецизма *ангел* в поэтическом идиолекте свидетельствует о широком влиянии религиозного дискурса на художественный: религиозный дискурс выступает одним из важнейших источников художественных концептов.

Примечания

- 1 См.: Северская О.И. Язык поэтической школы: идиолект, идиостиль, социолект. М., 2007.
- 2 См.; Лучина Е.И. Грецизмы в православном религиозном дискурсе // Филологические этюды. 2006. Вып. 9, ч. III. С. 98.
- 3 Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 67.
- 4 Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: На материале поэзии Г. Иванова и И. Анненского: Дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2004.
- 5 Мр, 12:25. См. также: Бытие, 1:1; Бытие, 1:8; 2 Пет, 2:4.
- 6 Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989. С. 15.
- 7 Фрейденоберг О.М. Образ и понятие // Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 182.
- 8 Кекова С. Солдатская трава // Знамя. 2000. № 8. С. 132.
- 9 Она же. Короткие письма. СПб., 1999. С. 19.
- 10 Там же. С. 55.
- 11 Кекова С. По новым чертежам // Знамя. 2001. № 11. С. 13.
- 12 Она же. Сад неприкаянный // Знамя. 2002. № 5. С. 92.
- 13 См.: Иванова Е.А. «На семи холмах»: пространство города и мир природы в поэзии Светланы Кековой // Мир России в зеркале новейшей художественной литературы. Саратов, 2004. С. 127–132.
- 14 Кекова С. Восточный калейдоскоп. Саратов, 2001. С. 44.
- 15 Она же. На семи холмах. СПб., 2001. С. 71.
- 16 Она же. Восточный калейдоскоп. С. 64.
- 17 Она же. На семи холмах. СПб., 2001. С. 70.
- 18 Она же. Тень тоски и торжества // Новый мир. 2002. № 4. С. 102.
- 19 Она же. Созвездие спящих детей // Знамя. 2003. № 7. С. 6.
- 20 Она же. Восточный калейдоскоп. С. 22.
- 21 Там же. С. 39.
- 22 Кекова С. Короткие письма. С. 48.
- 23 Она же. Восточный калейдоскоп. С. 10.
- 24 Там же. С. 72.
- 25 См., например: Василькова И. Как нам вылечить птиц, отказавшихся петь? // Новый мир. 2004. № 3. С. 151–159.
- 26 Кекова С. Восточный калейдоскоп. С. 30.
- 27 Она же. Сад неприкаянный. С. 92.
- 28 Она же. На семи холмах. С. 21.
- 29 Она же. Песочные часы. СПб., 1995. С. 28.
- 30 Она же. Халкидонские лилии // Знамя. 1998. № 7. С. 6.
- 31 Она же. Иней Рождества // Знамя. 2000. № 1. С. 3.
- 32 Она же. Созвездие спящих детей // Знамя. 2003. № 7. С. 4.
- 33 Она же. Короткие письма. С. 33.
- 34 Она же. Восточный калейдоскоп. С. 39.
- 35 Тарасова И.А. Указ. соч.
- 36 Кекова С. Солдатская трава. С. 131.
- 37 Она же. Восточный калейдоскоп. С. 55.
- 38 Она же. Песочные часы. С. 14.
- 39 Она же. На семи холмах. С. 42.
- 40 Там же. С. 16.
- 41 Кекова С. Короткие письма. 1999. С. 12.
- 42 Она же. Созвездие спящих детей. С. 4.
- 43 Золотницкий Н.Ф. Цветы в легендах и преданиях. М., 1913.
- 44 Кекова С. Пленение инеем // Новый мир. 2003. № 7. С. 85.
- 45 Она же. На семи холмах. С. 45.
- 46 Она же. Тень тоски и торжества. С. 100.
- 47 Она же. Халкидонские лилии. С. 6.
- 48 Она же. На семи холмах. С. 26.
- 49 Она же. Созвездие спящих детей. С. 7.
- 50 Она же. Восточный калейдоскоп. С. 40.